

Елена Абрамкина

**ПЕСНЯ ДЛ
ДЕВЫ-ОСЕНИ**

Елена Евгеньевна Абрамкина

Песня для Девы-Осени

Серия «Огненные легенды»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73321363

Елена Абрамкина «Песня для Девы-Осени»: ООО «Феникс»; Ростов-на-Дону; 2025

ISBN 978-5-222-48104-2

Аннотация

С детства знал Гришук-гуслияр немало сказок и песен, но особенно запала ему в душу история о том, как Дева-Осень платье сестрино подвенечное примерить решила да вместе с ним и судьбу ее на себя приняла. Только не думал он, что сказка эта с жизнью его сплетется и покой отнимет.

Давно бродит Ясна по свету, ищет колдуна, что от чужой доли ее избавит. Только что, если не колдун это вовсе, а парень простой?

Под силу ли тягаться с судьбой, если за душой всего-то и есть сердце верное да гусли звонкие? И что за сила могучая, перед которой сами боги голову склоняют?

Содержание

Предисловие	5
Пролог	8
Зачин	10
Глава 1	12
Глава 2	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Елена Абрамкина

Песня для Девы-Осени

© Абрамкина Е., текст, 2025

© Сергиенко Ю., иллюстрация для обложки, 2025

© ООО «Феникс», оформление, 2025

© В книге использованы иллюстрации по лицензии

Shutterstock.com

* * *

Предисловие

«Радостно на сердце, светло, так бы и взял гусли...»

Сюжет «Песни для Девы-Осени» развивается по вековым русским канонам. Добрый молодец, красная девица, чужая судьба, любовь, разлука, неволя, долгая дорога, неодолимые препоны на пути к счастью...

Сколько нам таких памятно с детства? А вот не скажете.

Главный герой, едущий на верной лошадке сквозь княжества разных времен года, – не Иван-дурак и не Иван-царевич, не богатырь с непобедимым мечом...

Он – гусяр.

И это куда круче.

Так совпало, что несколько лет назад я буквально прочесывала художественную литературу, выискивая образ русского гусяра. Обнаружила считанные упоминания. Да и те по принципу «слышал звон...». Что о гусярах, что о гусях.

А ведь для предков гусяр был не просто потешником на посиделках. Его фигура порой становилась вровень с провидцами и волхвами. К вещим струнам прислушивалось мироздание, ведь, по легендам, гусли участвовали в изначальном Творении. Гусли вдохновляли на подвиг. С ними шли в бой. Их звуками возвращали к жизни раненых и больных.

Гусляры несли сквозь века нашу историческую память, зашифрованную в сказах, песнях, былинах...

Важно ли все сказанное для фэнтези?

Еще как важно. Фэнтези – это не «что хочу, то ворочу». Русский фольклорный, сказочный мир не может быть «все-го лишь декорациями» для лихого сюжета. Произвольное обращение с реалиями рождает неизбежную фальшь, а ее наш читатель чувствует безошибочно. И это – одна из проблем современного славянского фэнтези. А если брать шире – фэнтези этнического.

Оно не имеет права быть легковесным одноразовым чтивом. Святой долг автора, взявшегося за этнику, – творя сюжет и героев, еще и восславить национальную культуру, вызвать к ней уважение и интерес. А разве это возможно без основательных знаний? Без знаний легко только порицать...

Простите за столь обширное вступление. Оно объясняет, почему, оказавшись одним из ведущих на Литмастерской Сергея Лукьяненко, я очень, очень пристрастно читала произведение Елены Абрамкиной. Находила поводы для придирок, но, к своей радости, фальши не обнаружила. Автор действительно любит то, о чем взялся писать. И эта любовь зиждется на стремлении познавать. Доходить до сути вещей.

Потому-то сказочные существа, с которыми авторская воля сводит героя, не выглядят картонными пародиями на себя настоящих. Они оживают, обретают характеры и судьбу. Вот гусяр вместе с лешим поднимает чарку хмельного ме-

да – за Землю-матушку, кормилицу и защитницу. Вот делит хлеб с домовым, потерявшим свой дом. Вот слушает жалобы кикиморы, обиженной бессовестным человеком...

И мы им верим, мы им сопереживаем. Про них интересно читать.

Но все-таки, познакомившись с автором лично, я первым делом спросила, держала ли Елена в руках гусли. И знаете что? Ради «Песни для Девы-Осени» она приобрела инструмент и брала уроки игры! Это ли не показатель авторского отношения к тексту?

Гусельные звоны ведут героя вперед, не позволяют пасть духом, помогают сворачивать горы и останавливать бури, а главное – творить добро, обретая все новых друзей. Никому не сгубить русского гусяря, когда его сама Земля хранит от беды!

Мелькают страницы, бегут пальцы по струнам: «Там дернут, здесь заглушат – и вот уже трель птичья раздастся, капель лесная звенит, ветер ветвями шумит. И столько в этой игре радости весенней, столько любви к жизни, солнышку яркому, цветам, травам, каждой живой душе...»

Прочтите эту книгу, не пожалеете.

Может, тоже к гуслиам потянетесь...

С уважением, Мария Семёнова

Пролог

В давние времена, когда юг радовал урожайным полем, а север пугал непроходимыми чащами, когда стояли во всем мире одни избы да терема, когда одной сказкой люди подпоясывались, а другую по вороту клали узорной вышивкой... В те времена ходили по земле слепые старцы и за кров и хлеб пели песни чуждые, собранные ими в южных полях и в северных лесных деревеньках, в избах и теремах, в жизни и в сказках. Слушали слепых сказителей внимательно, дивились, да не перечили, песню прерывать не смели.

Молча слушали всей деревней в лесной избе слепого сказителя. Девушки вздыхали и слезу утирали украдкой, парни ус первый теребили, а старики все на хозяев поглядывали – не прервут ли? Но улыбалась за прялкой, качая колыбель, молодая хозяйка, и молчал, поглаживая русую бороду, хозяин. И только ребятишки на полу у печи тихонько спорили.

– Тятя не так сказывал, – наклонившись к брату, шепеляво шептала большеглазая румяная девчушка.

– Известное дело, не так, – с важным видом кивал тот.

– Неправильная, значит, у дедушки сказка, – не унималась девчушка.

– Известное дело, неправильная, – соглашался брат. – Правильную только тятя и матушка знают.

– Так чего же ты, Ярка, молчишь?! – теребя пояс и ерзая

на полу, зашипела девчушка. – Надо ж людям правду сказать!

– Тятя молчит, значит, надобно так, – все с тою же важно-стью отвечал брат. – И ты молчи, Мира, уважение к старости имей.

– Как же тут молчать, коли неправда это?! – всплеснула руками Мира и от волнения принялась трепать край пояса.

– А вот так и молчать, – усаживая сестру ровно, прошептал Ярка. – Закончит дедушка петь, тятя его и поправит. Сядь спокойно, Мира.

Девчушка притихла, прислушалась к речам старца, но долго усидеть не смогла.

– А коли не поправит? – поворачиваясь к брату, снова зашептала Мира.

– Не вертись! – Яр сердито глянул на сестру. – Коли не поправит, значит, так надобно.

Зачин

Всю ночь не смыкала Ясна глаз над шитьем, зарю сторожила. Не устерегла, проснулась, когда солнце уже пошло по полям свежим снегом поскрипывать. Вскочила, подхватила платье, скатным жемчугом шитое, и бросилась за ворота сестру кликать:

– Гордана! Горданушка, сестрица! Забери платье, милая, не в пору оно мне!

Идет сестра молча, листья золотые с веток сдергивает и точно не слышит. Может, и в самом деле не слышит? Далеко ведь ушла уже, едва видна в морозной дымке, но знает Ясна: слышит ее сестра. Каждый год на заре, как осень с зимой меняются, проходит Гордана молча мимо сестриного двора, забирает с веток последние золотые березовые монетки, ни в гости не зайдет, не остановится, сколь ни кричи: крепко обиделась.

Мечется Ясна по двору, зовет слезно, да все без толку. Уж и догнать пыталась не раз, все одно – уходит Гордана и головы не повернет. Вот и сейчас: неужто не обернется?

– Гордашенька, родная моя! Все жемчуга и каменья забирай, ничего мне не надо! Только ленточки мои красные отдай, милая!

Уходит молча в снежную даль темнокошая Гордана, алые ленты на солнце прощальными всполохами играют. Запла-

кала Ясна, за сестрой кинулась:

– Сестрица, и Мороза своего забирай! Не муж он мне и никогда мужем не станет!

Замедлила шаг Гордана, голову чуть повернула – у Ясны сердце так и зашлось. Любит Гордана Мороза, долго горевала, когда сестра беспутная жениха ее свела.

– Гордашенька, правду говорю! Ни дня не жили с ним как жена с мужем! Не люб он мне, я на платье твое польстилась, а о женихе и не помышляла!

Сорвала Гордана гроздь алую с рябины, тряхнула косой и дальше пошла.

– Гордана! Меня не жалеешь, так хоть Мороза пожалей! Почто ему такая жена?! Он ведь тебя одну любит!

Ушла Гордана, растаяла в тумане над рекой, последние листья с собой унесла. Долго стояла Ясна посреди дороги, вслед сестре смотрела, платье проклятое в руках теребила. Едва бусины не пообрывала, вовремя опомнилась.

Глава 1

*Белая лебедушка по полю летала,
Белую периной землю укрывала.
Жемчуга-слезинки да поверх роняла,
Милую сестрицу горько выкликала.*

Гришук вслед за дедом, отдуваясь, вошел в избу, бросил на лавку связку шкур и протопал к печи.

– Что, студено нынче на дворе?

– Студено, Марфуша. – Дед Наум снял валенки и тоже прошел к печке. – Ты тулуп-то скинь, Гришутка, быстрее согреешься.

Бабка глянула на шкуры и покачала головой:

– Ишь, зверья-то сколько морозом побило!

– И деревьев много застудило, – вздохнул дед, стаскивая с Гришука покрытые снежной коркой рукавицы. – Больно люто нынче.

– А чего она такая непонятная, зима эта? – Гришук с трудом шевелил заочневшими губами. – Давеча капель была, а сегодня зубы сводит от мороза.

Бабка достала из печи горшок с топленным молоком, поставила на стол хлеб и мед.

– Попей-ка молочка, согрейся. А я расскажу.

Гришук обхватил непослушными с мороза пальцами гли-

няную кружку и жадными глотками принялся пить. Бабка подвинула ему ароматную краюху и присела на лавку.

– Было у Матери-земли и Отца-неба четыре дочери, четыре радости. Старшая звалась Горданой, была она статной поцарски, белолицей по-королевски, строгой и холодной по-зимнему. Вторая сестра, Ясна, была румяной, длиннокосой да характером переменчивой: то смехом звенит на весь дом, а то сядет у окошка тихонечко, пригорюнится. Любила она в осенний час листья золотые на лету ловить да прятать под шубкой, чтоб мороз их не прихватил, а вечерами песни слушать у очага. Третья, ласковая и нежная, Ладой звалась, и пуще всего любила она солнце да лето жаркое. Меньшую же сестру звали Весняна, была она легкой и смешливой, точно ручеек, и больше всего любила ту пору, когда на деревьях просыпался первый листок.

Крепко дружили три младшие сестры, по полям и лесам вместе танцевали, первоцветы из-под снега пробуждали, ветки березовые завивали, рожь на полях заплетали. Лишь Гордане их забавы нелюбы были, сидела она за рукодельем да все белым по белому шила. Иной раз позовут ее сестры на луг травы собирать или платьями предложат поменяться, она только сердится да к себе уходит. Но не серчали сестры, любили холодную и гордую сестру и почитали ее за мастерство рукодельное.

Однако время девичье быстро пролетает, не все по полям-лесам резвиться – пришла пора сестрам женихов подыс-

кивать. Недолго отец с матерью сватов ждали: на ладный товар и купцы сами слетаются. В одно лето всех дочерей просватали. Высватал Весняну веселый сладкоголосый Май, полюбился ему ее звонкий, переливчатый смех. Сыграли свадьбу, и увез он Весняну в свое королевство, куда солнце спозаранку заглядывает. Ладу сосватал ласковый и светлый Юн и увез в те края, где солнце обедать останавливается. К старшим сестрам в один день сваты пришли: Ясну Златомир-богатырь сосватал, а Гордану – сам князь Мороз, известный богач и рачитель.

Решено было в один день старшим сестрам свадьбу играть, уехали женихи восвояси, а Ясна с Горданой наряды свадебные расшивать сели: Ясна золотом да яхонтами, а Гордана – жемчугами да камнями драгоценными, что Мороз невесте своей преподнес.

У Горданы строчки ровно ложатся, бусинка к бусинке льнет, а у Ясны от волнения то ленты спутаются, то нитки порвутся, то бусины по полу раскатятся. Шутка ли – замуж идти, отца с матерью оставлять! С мужем не ночь коротать – век вековать. А как не полюбится ей со Златомиром жить? Мать говорит – слюбится, Гордана ей вторит – стерпится, да только не хочется ей, молодой да красивой, ждать да терпеть, а надобно, чтоб, как в сказке, с единого взгляда сердце вспыхнуло. Красив лицом Златомир, слава о нем до краев земли дошла, одна беда – где не увидит зеркало, zalюбуется на себя, точно девушка. Не по нраву Ясне, что не на нее, а

на себя жених любит, на себе брошь золотую поправляет, а на невесту молодую лишь раз глянул.

«И почто такому жена? – гадала Ясна. – Чтобы брови чернить научила да щеки свеклой натирать?»

Мается, бедная, сама не знает, рада ли нет скорой свадьбе. Сядет, бывало, у окна, и гадает: коли первой голубка покажется – люб ей Златомир и она ему любя, а коли ворона серая – не люб и не слюбится никогда. Только за окном ни голубок, ни ворон – листья золотые на ветру кружатся.

Меж тем близится час заветный. У Горданы платье уж давно готово, а Ясна все никак последние бусины приладить не может: и так не ложатся, и эдак. Расплакалась, бросила шитье, отвернулась прочь – глядь, а у стены сестрино платье висит. Тысячи свечей в драгоценных бусинках пляшут, кружево точно инеем соткано, тонкое да воздушное, так и манит. Подошла Ясна, провела рукой по бусинкам, прокатила между пальцев бахрому жемчужную. Холодное. Да ведь и в горнице не тепло.

«Ну, до чего же у Горданы все ладно выходит! – вздохнула Ясна. – И хоть бы одно платье примерить дала!»

Любили они с младшими сестрами платья друг друга примерять да у зеркала крутиться. Гордана же ни платьев, ни украшений своих никому трогать не позволяла – все в сундук, все под замок! Вот и теперь – ушла матери помогать и настрого запретила на платье даже смотреть.

«И как на него не смотреть? На всю горницу так и свер-

кает! Все платья у Горданы хороши, а лучше этого, кажется, и в мире нет! – обиделась Ясна, а сама все пальцами бусинки поглаживает. – Вот выйдем замуж, разведемся в разные стороны, и тогда уж вовек платья Горданиного не померить, не разгадать, отчего на нем каменя ярче солнца сверкают! Знала бы, может, и свое бы поняла, как закончить».

Огляделась Ясна, сарафан скинула да платье сестрино схватила – холодное, тяжелое, словно льдом шитое. И повесила бы назад, но больно манит, и в голове все крутится: «Вот выйдем замуж, разведемся в разные стороны...» Зажмурилась Ясна и в платье Горданино, точно в прорубь, нырнула – холодом так и охватило, аж сердце замерло. Открыла глаза, оглядела себя: нет, не красит ее наряд чужой, слишком бледно да холодно платье для красоты ее осенней. И морозит так, что дух захватывает.

«Никак, и в самом деле Гордане жених ледышек вместо каменьев поднес!» – прыснула Ясна смехом да стала платье снимать, а оно точно приросло к рубахе. Стала ленты расплетать – не расплетаются, в волосах путаются, только сильнее завиваются. Испугалась Ясна, закричала, да не те услышали. Распахнулось окно, влетел князь Мороз, подхватил ее и умчал из родного дома. Уж и кричала она, и плакала, и ласково молвила, что чужую он невесту взял. А Мороз ей в ответ: «Умела чужое платье надеть, умей и судьбу чужую носить».

С той поры живет Ясна у Мороза в тереме: жена не жена, невеста не невеста – закроется в покоях своих, мужа знать не желает, слезы горькие льет. И жалко ее Морозу, да поделаться ничего уж не может: не простые то жемчуга и камни были – мороженые. Страшную клятву с Горданы Мороз взял, когда подарки дарил, не ведала о том Ясна, только теперь уж поздно плакаться: нет у жены Морозовой пути обратного, век с ним рука об руку идти сквозь стужу и метели, мир зимой от беды хранить.

– А Гордана что? – Гришук, забыв жевать, слушал бабу.

– А что Гордана? – Марфа пожала плечами. – Так и осталась в девках. Долго горевала, сестру кляла, да ничего не напишешь теперь.

Гришук подобрал со стола крошки и посмотрел на кружку с молоком.

– Ну, так пришла бы к сестре, забрала платье свое – и делов!

– Э-э, не-е... – протянул дед, подливая Гришуку горячего молока. – Сказано ж тебе, непростое то платье, а цельная судьба. А судьбу переписывать особая сила нужна, коей ни у Горданы, ни у Ясны, ни у самого Мороза нет.

Гришук аж хлеб выронил:

– Это что ж за сила такая, что и у самого Мороза нет?!

– Да кто ж ее знает, – дед пожал плечами и потянулся к меду.

Бабка подвинула ему миску и отрезала свежую краюху, но Наум поднялся и отдал кружку жене.

– Сядь, Марфа, отдохни, тоже умаялась. А я пойду баню истоплю: надо Гришутку попарить как следует, да и нам с тобой кости погреть не лишнее будет.

Что-то блеснуло в уголке бабкиного правого глаза – того, что бельмом затянут, – скатилось по щеке и булькнуло в кружку, но Гришук, занятый хлебом и мыслями о сказке, того не заметил. А и заметил бы – не понял: малой еще.

– А где в этой сказке про зиму-то нашу? – выбирая краюхой остатки меда, спросил он наконец.

– Да как же это? – удивилась бабка. – Вся сказка о том, что не свое платье надела Ясна, оттого и мается: Мороз-то все укроет, как надобно, льдом скует, а она растопит слезами горячими так, что листья распускаться начнут и Весняна с удивлением за ворота выглядывает – не пора ли? А осень у нас оттого злая и ветрами суровая, что обидно Гордане в девках ходить – как начнет лист на деревьях золотом покрываться, вспоминается ей свадьба разладившаяся да сестра бестолковая, пуще прежнего обида берет. И пойдет она тогда листья с веток раньше срока срывать да в лужах холодных топтать, чтоб скорее уж лес застыл в узорах зимних, так ею любимых. Каждый год проходит Гордана мимо терема Морозова, каждый год старается Ясна сестру догнать и платье ей вернуть, только ни одна отдать, ни другая забрать не могут. Ну, да полно сказок, собирайся в баньку.

Глава 2

*Некому лебедушки в поле услышать,
Некому голубушки в белом приласкать.
Полечу я по полю к светлому окну,
На дворе широконым крылья я сниму.*

– Давай, Гришук, не чокаясь Марфу нашу помянем, – вздохнул дед, опрокинул стопку самогона и принялся утирать слезы краем рукава.

Вроде и говорит, что от самогона – мол, ядреный он у Еремеевны, – да у самого больно нос шмыгает. Знает Гришук: не от самогона дед плачет. Уж одиннадцатая осень пошла, как схоронили они бабуку, да дед все никак не привыкнет: то кружку третью на стол поставит, то сахару кусок для нее припрячет, а то вдруг нитку бус с ярмарки притащит. А как вспомнит, некому бусы те подарить, гонит внука за самогоном к Еремеевне и теми же бусами расплатиться велит.

Гришуку порой тоже тяжело без бабки: щи варить худо-бедно научился, да все не те, и пироги не те, и каша. А горше всего без сказок бабкиных. Хоть и стыдно, взрослый уже, на вечерки ходит, на девушек глядит, а все нет-нет да вспомнит, как зимними вечерами бабка ставила на стол мед и молоко и принималась рассказывать то про деву-птицу, то про лешего, то про знахаря из соседнего села. Но чаще все-

го вспоминается та, что про чужое платье, да вот беда: ни одного имени Гришук припомнить не может. По первости, бывало, деда просил рассказать, да тот только отмахивался и за стопкой тянулся, Гришук и отстал. А как старше стал, сделал себе гусельки звонкие, обучился сам сказки под них сказывать да песни певать.

Полюбились деревенским его песни и сказки, все гуся-ра привечали, на каждый праздник звали, на плату не скупились. Раньше жили с дедом тем, что лес послал, а теперь все купить могут: и муки, и мяса, и сладостей ярмарочных, да только много ли двоим надо? Избу подновили, лошадь с телегой взяли и живут себе тихо.

– Взрослый ты уже совсем, Гришук, – вытерев наконец слезы и хитро прищурившись, протянул дед.

Знал Гришук, к чему дед Наум такие разговоры заводит. Как минул Гришуку девятнадцатый год, принялся дед ему про жену говорить: мол, пора бабу здоровую да работающую подыскать.

– Нельзя мужику одному жить, Гришук, дичает наш брат без бабы.

Дед потянулся вторую стопку налить, но Гришук не дал, убрал бутылку в сундук, на замок запер, а ключ к себе на пояс повесил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.